

подкрепиться, подогрев кусочки на костре, нанизанные на веточку. Такого чудного запаха и такого вкуса хлеба, пропитанного маслом, поджаренного на костре я не ел больше никогда в своей жизни! Никакие пирожные, торты или делисы не сравнятся с тем хлебом в 41 году...

Вечером нам пришлось ночевать в разных хатах, так много солдат собралось в селе, а на следующее утро наша хозяйка так рано выпроводила своих постояльцев, что я не стал дожидаться своего спутника и пошел один. Хозяйка дала на дорогу кусок хлеба и вареной картошки, и днем я перекусил этим, бережно расходуя пищу, отдохнул под деревом и снова в путь. К вечеру подошел к какому-то селу. Людей не было видно, но мне послышался звук работающего мотора автомашины. Потом все стихло. На дороге из села показался солдат в расстегнутой шинели. Я притаился в посадке. Окликнул солдата, но он как-то странно на меня посмотрел, это был не немец, но и не русский. Оказалось, что он алтайец и ходил сдаваться в плен – в руках держал листовку, на которой была фотография немца-повара в белом колпаке, раздающего пищу мордатым и улыбающимся «пленным», таким же мордатым, как повар. Явно было видно, что это фотомонтаж. Немцы не захотели брать его в плен. Сказали: «Один? Мало», сняли с пилотки звездочку, ремень и отпустили, объяснив, чтобы привел остальных.

Я рассказал ему, что знаю от отца, (он был в плену у немцев в 16-м году), что немцы пленных хорошо кормить не будут, но мои слова на него не подействовали. Алтайец пояснил, что местные жители его не понимают, думают, что переодетый немец, неохотно пускают на ночлег и дают поесть, и что он хочет в плен.

Между тем стемнело. Мой новый знакомый отправился искать дураков сдаваться в плен, а я пошел своей дорогой. До сих пор не пойму, как это могло